

Опыт контент-анализа воспоминаний участников убийства Распутина
Свидзинская Мария Сергеевна
студентка

**Российский государственный гуманитарный университет, факультет
техноотронных архивов и документов, Москва, Россия**

E-mail: maris_vd@rambler.ru

Убийству Г.Распутина посвящено большое количество как публицистической, так и научной литературы, и одними из основных источников, на анализе которых строятся выводы, являются воспоминания об убийстве двух его участников – Ф.Юсупова («Конец Распутина») и В.Пуришкевича («Дневник»). Однако до сих пор в историографии убийства практически отсутствует опыт объективного подхода не только непосредственно к источникам, но и к самой тематике, в силу того, что многие авторы подходят к изучению данной темы с противоположных идеологических позиций. Попыткой непредвзятого подхода явилось исследование данных источников при помощи контент-анализа как метода, позволяющего, с одной стороны, максимально исключить субъективизм исследователя, а с другой – выявить неотрефлексированные даже самими авторами содержательные аспекты источника, понять мотивацию и эмоциональные характеристики героев.

Исследование проводилось в программе TACT по двум направлениям: выявление роли каждого из участников в заговоре и мотиваций их участия в убийстве Распутина. Для реализации этих задач на основе длительного изучения текстов был сформирован набор категорий анализа. Для анализа роли каждого из участников в заговоре были сформированы категории: «Великий князь Дмитрий Павлович», «Сухотин», «Лазоверт», а также «Юсупов» либо «Пуришкевич» в зависимости от анализируемого источника. Для анализа мотивации участия в заговоре – такие категории, как «Распутин», «Царь», «Царица», «Бог», «Россия» и «Германия».

Работа с электронным текстом источников включала создание полнотекстовых баз данных, проиндексированных по всем словоформам слов, входящих в словарь текста. Далее были сформированы файлы, содержащие описания категорий анализа. После этого анализировались частоты встречаемости и семантические поля категорий, связанных с заговорщиками, а также частоты совместной встречаемости этих категорий со всеми остальными и соответствующие семантические поля. Для этого использовались такие инструменты программы TACT как выявление ключевых слов в контексте (KWIC) и анализ частот совместной встречаемости ключевых слов в рамках окружающего их "минитекста" (Collocate). При интерпретации результатов анализа отбирались те элементы контекста, для которых частота совместной встречаемости с ключевыми словами являлась статистически значимой, т.е. превышала пороговое значение коэффициента Z-score, соответствующее вероятности 95%.

В процессе исследования была предпринята попытка решить также одну из основных проблем, возникающих при контент-анализе мемуарных источников, которая связана со слабой структурированностью информации, представленной в них.

Аналитические возможности программы TACT дают возможность использовать структурную разметку текста, что, в частности, облегчает сравнительный анализ двух и более текстов сходной тематики. К сожалению, структурная разметка, имеющаяся в обоих источниках, различается: текст Пуришкевича структурирован по датам, а воспоминания Ф.Юсупова – по номерам разделов. В такой ситуации можно перейти от структурной разметки к семантической, т.е. структурировать текст по индикаторам категорий (каждый индикатор включить в разметку текста), однако это оказывается неудобным в том смысле, что в этом случае индикаторы исключаются программой из операций счета и возможности анализа Collocate резко ограничиваются. Поэтому был

предложен иной вариант разметки текста. Индикаторы категорий не включались в разметку текста, однако рядом с каждым индикатором категорий ставились метки соответствующих категорий, что сделало возможным, не исключая индикаторы категорий из счета, совместно использовать Collocate- и KWIC- анализ с учетом семантической структуры текста.

Анализ статистики упоминаний каждого из заговорщиков в текстах позволил выявить их роли а заговоре:

статистика упоминаний каждого из заговорщиков в текстах		
Заговорщик:	«Конец Распутина»:	«Дневник»:
суммарный процент категорий заговорщиков	0,446%	1,096%
Ф.Юсупов/ В.Пуришкевич	0,148%	0,447%
в.к. Дмитрий Павлович	0,216%	0,282%
С. Сухотин	0,050%	0,132%
С. Лазоверт	0,032%	0,235%

Данные таблицы свидетельствуют о том, что в «Дневнике» Пуришкевича упоминаний Юсупова гораздо больше по сравнению с другими заговорщиками, чего не скажешь о мемуарах Юсупова: в них чаще всего встречаются упоминания о великом князе Дмитрие Павловиче, а Пуришкевич стоит лишь на втором месте по частоте встречаемости. Это может свидетельствовать о том, что для Пуришкевича непосредственно заговор был гораздо важнее, чем для Юсупова, у которого гораздо больше эмоций вызвал период нахождения под арестом (именно в этом эпизоде в.к. Дмитрий Павлович встречается в подавляющем большинстве раз в мемуарах Юсупова).

Что же касается Сухотина и Лазоверта, то первый чаще упоминается в мемуарах Юсупова, а второй – Пуришкевича, что легко объяснимо, т.к. Сухотин до заговора был знаком с Юсуповым, а Лазоверт – с Пуришкевичем, однако в целом Пуришкевич уделяет заговорщикам значительно больше внимания, нежели Юсупов.

Анализ семантического поля категорий заговорщиков позволил прояснить, каково было эмоциональное состояние участников заговора. Так, в семантическом поле Юсупова («Дневник») встречаются такие характеристики: «бледный», «болезненно», «громадное самообладание», «нечеловеческий криком», «невменяем», «расстроенный», «ненависть», которые свидетельствуют о крайнем эмоциональном напряжении Юсупова в ночь убийства, а также – потере самоконтроля после осознания, что Распутин жив. Характеристики «нервный подъем», «не унимался» в семантическом поле Пуришкевича («Конец Распутина») также свидетельствуют об эмоциональном напряжении, но уже после того, как Распутин «ожил». До этого момента для Пуришкевича не характерны эмоции, за исключением тех, которые присутствуют в период возникновения заговора: «с живостью», «с интересом», и вполне соответствуют пылкой натуре героя. Оба источника свидетельствуют о крайней эмоциональности в.кн. Дмитрия Павловича: в «Дневнике» она передана посредством прямой речи, а также конкретных действий героя, выражающих эмоциональное напряжение: предложение отложить убийство, беспокойство, что Распутин поднимется вслед за Юсуповым на второй этаж и т.д. Эмоциональное состояние Лазоверта передано посредством прямых указаний на плохое самочувствие доктора в период совершения преступления. В данном эмоциональном контексте заговорщиков Сухотин в период совершения преступления кажется единственным спокойным: в его семантическом поле отсутствуют эмоциональные характеристики, а характеристика, присутствующая в «Дневнике» в эпизоде знакомства Пуришкевича с Сухотиным - «человек малоподвижный, но энергичный», - и в мемуарах «Конец Распутина» - «без колебания» - свидетельствуют о деятельности и хладнокровии данного персонажа.

Главному герою мемуаров – Распутину – Пуришкевич уделяет намного меньше внимания, чем Юсупов, что позволяет понять сравнительный анализ статистики упоминаний Распутина в обоих текстах. Так, в «Дневнике» В.Пуришкевича Распутину посвящено 0,763% текста, а в мемуарах Ф.Юсупова «Конец Распутина» - 1,554% текста.

В семантическом поле категории «Распутин» в «Дневнике» встречаются такие характеристики Распутина, объясняющие мотивацию участников заговора, как: «казнь египетская», «враг», «отвратительный, типа Силена или Сатира», а также слова, указывающие на влияние Распутина на государственную структуру («карьера», «интриги», «вмешательство», «шпики», «роковое влияние при Дворе»), а также – на разврат: «радения», «развратный», «разлагающее влияние» и пр. В мемуарах Юсупова, помимо «маячков» этих ипостасей Распутина попали и другие: хлыстовство Распутина, оцененное Юсуповым с религиозных позиций как сатанизм («дьявол», «взревел диким звериным голосом», «нездоровая мистика», «непроницаемый дьявольский мрак», «хлыстовские размышления», «хлыстовский экстаз», «звериное чутье», «змеиные глаза», «сатанинская сила» и пр.), неграмотность («бессмысленные фразы о Боге», «простодушная наглость», «едва грамотный» и пр.), падкость на деньги, лоббирование интересов Германии («немецкая партия»), а также наркотическое влияние на царя («одурманивающие травы»). Кроме того, Юсупов воспринимает Распутина как «роковую случайность» в истории России и не винит царицу в его возвышении.

Для выяснения мотиваций участия в заговоре уместен также анализ совместной встречаемости категории «Распутин» с категориями «царь», «царица», «Германия», «война», «Россия», «Бог».

статистика совместной встречаемости категории «Распутин» с другими категориями		
	«Конец Распутина»	«Дневник»
суммарный процент категорий	0,182%	0,071%
царь	0,041%	0,005%
царица	0,044%	0,028%
Германия	0,009%	
война	0,009%	
Россия	0,035%	0,033%
Бог	0,044%	0,005%

Данные таблицы свидетельствуют о том, что в мотивации Ф.Юсупова основное место занимали категории «царица», «царь» и «Бог», в то время, как в мотивации В.Пуришкевича – более общая категория «Россия», категории «царь» и «Бог» имеют для В.Пуришкевича гораздо меньшее значение. В целом Ф.Юсупов гораздо большее значение отводит объяснению своих мотиваций в мемуарах, чем Пуришкевич.

Проведенное исследование показало, что в целом мотивация Ф.Юсупова и В.Пуришкевича складывалась из: отождествления Распутина с дьяволом с религиозных позиций, возмущения его неграмотностью и в то же время влиянием на политику, смещение и назначение чиновников, из возмущения его развратным поведением, а также слухов о «лечении» Распутиным царя некими «одурманивающими травами» и о лоббировании Распутиным интересов Германии. Интересен также факт попадания в пересечение категорий «Распутин» и «Царица» («Дневник») популярного для периода военного времени выражения «Царь – с Егорием, а Царица – с Григорием», отражающая беспокойство по поводу влияния Распутина на Царицу и падения авторитета царской власти.